

Глава 20. Завтра - новое начало

Цинь Юй обошёл несколько дворов, но поскольку похороны Цяо Чэнфу не считались «счастливыми»¹, многие не хотели в них вмешиваться. В итоге согласились помочь копать могилу лишь отец с сыном из семьи Лю, Чжэн Кай, Лу Дунцин и ещё двое мужчин. Мясник Ван с домочадцами прийти не смог, ведь у них на носу была свадьба с Чэнь Сюэшэном.

Женщин и фуланов собрать оказалось проще. Одна только Фэн Цзе привела четырёх или пятерых. Пышных похорон устраивать не собирались. К тому же бабушка Ли, хорошо сведущая в похоронных обрядах, взялась всем руководить. Людей вполне хватало.

Когда всё было улажено, оставалось лишь дожидаться, пока Лу Дунцин закончит делать деревянный гроб. Тело нельзя было держать долго — запах усиливался. Цяо Жуйфэн и Юй Пин договорились похоронить покойного на следующий день в полдень. Чем скорее всё закончится, тем будет лучше для всех.

Цинь Юй вернулся домой, выпил миску воды и заметил, что Цяо Суйман сидит неподалёку, опустив голову. Он озадаченно взглянул на Цяо Жуйфэна, но тот тут же увёл его на кухню и вполголоса пересказал события дня. На лице Цинь Юя одно за другим сменились гнев, удивление и, наконец, усмешка.

— На прошлой ярмарке я заметил, что Лу смотрит на него как-то иначе. Похоже, у него и правда есть такие намерения.

— Только если Сяо Ман сам согласится! — Цяо Жуйфэн и сам не мог толком разобраться в своих чувствах. Дело ещё было неопределённым, но на душе одновременно и теснило, и становилось легче. Он тревожился о будущем брата, о его замужестве, а теперь, когда появился намёк на интерес, вдруг не захотел отпускать младшего из дома так скоро.

— Разумеется. Пока просто присмотримся. К тому же впереди ещё год траура². Спешить некуда.

Они пробыли в доме недолго, когда во двор ворвались несколько крепких, широкоплечих мужчин.

— Цяо Чэнфу! Плати, ублюдок! Выходи сюда! — заорал главный.

Это были сборщики долгов из игорного дома. Один из них даже пнул табурет посреди двора. Цяо Жуйфэн шагнул вперёд.

— Он умер. Я сейчас вынесу деньги.

В главном зале висели белые похоронные полотнища, купленные Цинь Юем у семьи Чжэн, а на столе лежали серебряные жертвенные бумажные подношения³. Сборщики долгов опешили.

— Умер?

— Вчера напился и сорвался насмерть. Тело в комнате.

— Тьфу, невезение. Мне всё равно, жив он или мёртв. Он должен нам деньги! Не заплатите — разнесу этот дом!

Цяо Жуйфэн вынес серебро. В основном у него были связки медных монет, которые они копили

годами.

— Бяо-гэ, это... — подручный удивлённо посмотрел на деньги. — Не фальшивка ли?

Тот, кого звали Бяо-гэ, потянулся к серебру, но Цяо Жуйфэн отдернул руку.

— Долговую расписку.

— Ладно, деньги в обмен на расписку. А ты не так прост, парень. — Видимо, потому что всё шло гладко, в голосе Бяо-гэ уже не звучало прежнего высокомерия. Он достал из-за пазухи долговую расписку и разложил её на столе.

— Мы неграмотные. Нам нужно, чтобы кто-то проверил. Подождите.

Увидеть расписку было единственным способом убедиться, что перед ними не самозванцы. Вся деревня знала, что Цяо Чэнфу занял в игорном доме три лян серебра, и кто угодно мог нанять чужаков, чтобы притвориться сборщиками долгов.

Даже с распиской на руках нужно было удостовериться, что она действительно принадлежит Цяо Чэнфу. Поэтому, пока Цяо Жуйфэн ходил за деньгами, Цяо Суйман побежал к дому старосты.

— Без фокусов. Если через четверть часа не увижу денег, пожалеете.

Едва он договорил, как Цяо Суйман вернулся вместе с Юй Пином. Торопясь и опасаясь, что сборщики перейдут к насилию, Юй Пин почти бежал. Они оба тяжело дышали.

Цинь Юй принёс воды, чтобы они промочили горло. Переведя дух, Юй Пин под пристальными взглядами двух здоровенных подручных внимательно изучил расписку. Под давлением он перечитал каждое слово, затем с облегчением выдохнул и вернул её Бяо-гэ.

— Настоящая. Печать совпадает с печатью игорного дома. Эх... платите.

— Хорошо. Спасибо, староста.

Только тогда Цяо Жуйфэн спокойно передал деньги и забрал долговую расписку.

Потеря такой суммы серебра больно отозвалась не только в сердцах Цяо Суймана и Цинь Юя, но даже Юй Пина. Цяо Суйман, опустив голову, проводил старосту в главный зал отдохнуть.

Ничего. Деньги можно заработать снова. Ничего... — успокаивал он себя. Среди уплаченного было пять цяней его собственного серебра. С неохотой расставшись с ним, оставшиеся пять цяней он отдал медными связками. Теперь его шкатулка почти опустела — если её потрясти, звон стал куда глуше.

Когда сборщики долгов ушли, все трое наконец почувствовали, как с сердца свалился тяжёлый камень. Долг погашен, человек, мучивший их с детства, ушёл, а завтра, когда похороны завершатся, их жизнь и вправду начнётся заново.

На следующий день.

Приглашённые женщины и фуланы пришли с самого утра. Одни мыли овощи, другие их

резали. Уже готовили паровые булочки и густую кашу из грубого риса. В полдень Цяо Жуйфэн должен был забрать гроб у семьи Лу, после чего можно было копать могилу и хоронить.

Всё было готово. Пришла бабушка Ли, и трое из семьи Цяо переоделись в белые траурные одежды⁴ и надели шапки — те самые, что остались со времён похорон Ли Хуа много лет назад. Когда-то они думали перешить ткань на зимнюю одежду, но так и не сделали этого — и вот теперь она пригодилась.

После этих похорон придётся их продать, — подумал Цяо Суйман. — Хранить такое... к несчастью.

Цинь Юй болтал с фуланом, и разговор вскоре зашёл о вчерашней драке Цяо Суймана. Цинь Юй легко ударил себя в грудь и сокрушённо воскликнул:

— Да как можно быть такими жестокими? Сяо Ман и его брат с детства держались друг за друга. Только потеряли отца — и кто-то посмел проклинать Жуйфэна! Наш бедный Ман-гер, такой тихий и мягкий, что его довели до того, что он ударил!

— Будь я там, выбил бы ей все зубы! — кипел он.

— В следующий раз я снова её ударю. Каждый раз, как увижу — ударю, — неожиданно твёрдо сказал до сих пор молчавший Цяо Суйман.

Даже Фэн Цзе на мгновение опешила, а затем тихо рассмеялась.

— Вот так, Ман-гер. Нельзя больше позволять себя обижать. Мы их не боимся.

— Точно! Целыми днями кичится своей жалкой красотой. Бесстыжая! Да ещё и сердце чёрное!

Цяо Суйман опустил голову с лёгкой улыбкой, но про себя уже представлял, как в следующий раз затолкает Ван Лин в рот горсть грязи — лишь бы выпустить злость. Внешне же он оставался таким же покорным и мягким. Только Цинь Юй знал, что этот маленький лис уже что-то замышляет, и невольно покачал головой с усмешкой.

Ещё немного поговорив, Цяо Жуйфэн вернулся с деревянным гробом вместе с Лу Дунцином.

Цяо Суйман вдруг смутился. Он поспешил на кухню за тёплой водой для обоих мужчин. Сегодня людей было много, огонь в очаге поддерживали постоянно, чтобы никому не пришлось пить холодное.

Лу Дунцин принял чашу из рук Цяо Суймана и осушил её одним глотком, чувствуя, как тепло разливается от тела к самому сердцу.

Когда гроб внесли во двор, Цяо Жуйфэн попросил всех отойти и перенёс тело Цяо Чэнфу из комнаты. Гроб был тонкий — накануне нашли лишь два подходящих бревна, — но сколочен крепко, аккуратно, видно было, что мастер старался. Тридцати вэнь за такую работу явно мало. Цяо Жуйфэн задумался и решил наскрести ещё тридцать-пятьдесят вэнь из их с Цинь Юем сбережений.

Тело уложили внутрь, пришло время похорон. Мужчины, с которыми договорились накануне, начали подходить один за другим. Близких родственников у семьи Цяо не осталось. Те, что ещё числились роднёй, были уже дальше пятой степени траура и давно отделились. Теперь коленопреклонённо провожать покойного должны были лишь трое.

— На колени, — протянула бабушка Ли.

Трое из семьи Цяо встали во дворе и вместе опустились на колени перед гробом.

— Встать.

— Снова на колени.

Так повторили трижды, после чего выпрямились.

— Закройте гроб.

Как старший сын и единственный мужчина в семье, Цяо Жуйфэн шагнул вперёд, обеими руками поднял крышку гроба и сдвинул её до упора, плотно закрывая.

В тот миг и он, и Цяо Суйман вдруг почувствовали необычайную лёгкость — словно тяжесть, давившая на них больше десяти лет, тень, нависавшая с самого детства, наконец рассеялась.

Цяо Суйман тихо всхлипнул, но не от скорби, а от надежды. Отныне их жизнь принадлежит им самим. Больше не нужно бояться побоев, возвращаясь домой, не нужно прятать вкусную еду и питьё. С этого дня они сами хозяева своей судьбы.

Тихие всхлипы постепенно переросли в рыдания — не по Цяо Чэнфу, а по себе, по Цяо Жуйфэну, по Цинь Юю. Он вцепился в Цинь Юя и плакал до удушья, словно выпуская наружу годы накопленной боли. Цинь Юй тоже не смог сдержать слёз.

У Фэн Цзе и других женщин и фуланов глаза увлажнились. Цяо Чэнфу они всегда презирали, но детей было жаль. Сказать такое жестоко, но его смерть — к лучшему. Кто знает, сколько ещё он тянул бы их на дно?

Глаза Цяо Жуйфэна покраснели, но он должен был держаться.

— Поднимите гроб.

Он вместе с другими мужчинами взялся за носилки и понёс гроб к задней горе.

Цяо Суйман и Цинь Юй шли следом, понемногу приходя в себя. Суйман почувствовал лёгкое смущение... он снова плакал при нём. Но, по крайней мере, не слишком неприлично.

Они добрались до задней горы, где располагалось кладбище деревни Сяхэ. Место для захоронения выбрали ещё накануне. Здесь же покоилась мать Цяо Суймана, но Цяо Жуйфэн не стал хоронить Цяо Чэнфу рядом с ней. Полжизни он её мучил — пусть в следующей жизни их пути больше не пересекутся.

Мужчины принялись копать, а женщины и фуланы вернулись готовить поминальный обед. В доме Цяо все комнаты были заперты, но с Фэн Цзе можно было не беспокоиться — ничего не случится.

Когда могила была готова, бабушка Ли крикнула:

— Опускайте гроб! — и что-то тихо забормотала. Цяо Суйман слов не разобрал и не стал вслушиваться, лишь смотрел, как землю засыпают обратно.

Гроб опустили в яму. Его брат стоял впереди и первым зачерпывал землю лопатой. Скрип

лопат смешивался со старческим голосом бабушки Ли. Взгляд Цяо Суймана невольно остановился на Лу Дунцине: тот молча трудился, вкладывая всю силу в работу. Его отец тоже рано умер. Наверное, и ему сейчас нелегко.

Когда могилу засыпали, утрамбовали и насыпали небольшой холм, у изголовья установили надгробный камень. Лишь тогда захоронение было завершено.

— На колени.

— Поклонитесь.

— Встаньте.

— Снова на колени.

...

После трёх поклонов они достали приготовленные бумажные деньги, подожгли их особой лучиной и, рассыпав перед могилой вместе с двумя долговыми расписками, смотрели, как всё обращается в пепел.

Ветер унёс дым.

Пусть будет так, — подумал Цяо Суйман. — Прах к праху, земля к земле⁵. В следующей жизни — никакой связи между нами.

Когда всё было закончено, они собрали вещи и вернулись в дом Цяо, где их ждал поминальный обед.

—

Блюда они накануне обсудили с Фэн Цзе. Четыре постных: острые жареные побеги бамбука, холодная дикая зелень, жареная люфа и суп из волосатой тыквы. К ним — яичница с молодыми листьями китайского тунового дерева, тушёная свинина со стручковой фасолью, острое рагу из вьюнов и жареный угорь. Вместе с паровыми булочками и густой рисовой кашей получилось скромное угощение из десяти блюд.

Они купили два цзиня мяса за двадцать пять вэнь и яйца на десять вэнь. Остальное было выращено или собрано своими руками. Порции были небольшими, но разнообразие вызвало одобрение у женщин и фуланов, готовивших обед. Семья Цяо достойно справилась с похоронами — и это пойдёт им на пользу.

Привыкшие к кухонной работе, женщины и фуланы всё успели к возвращению мужчин. Цяо Суйман и Цинь Юй вымыли руки и помогли накрыть на стол. Еду разделили на два стола: один для мужчин, другой — для женщин и фуланов. Уставшие за день, все ели молча, сосредоточившись на трапезе.

После обеда каждому гостю вручили пучок полыни, перевязанный красной нитью.

Затем в доме навели порядок и разобрали комнату Цяо Чэнфу. Всё, что можно было продать, продали. Дел оказалось немного, и у семьи Цяо наконец появилось время отдохнуть.

Поужинали они просто — паровыми булочками, тщательно умылись и разошлись по постелям.

Лёжа в постели, Цяо Суйман смотрел на лунный свет, пробивавшийся сквозь щели в окне, и на его губах появилась едва заметная улыбка.

Завтра новое начало.

---

1. «счастливые похороны» – похороны человека, прожившего долгую, полноценную жизнь и умершего естественной смертью, которые часто празднуются, а не оплакиваются. Смерть Цяо Чэнфу не считалась таковой из-за его насильственной кончины и плохого характера.
2. «период сыновней почтительности» – траурный период оплакивания умершего. Он начинается с момента похорон и длится не менее 36 дней и не более 3 лет.
3. ритуальные деньги сжигаются в качестве подношения умершему в загробной жизни.
4. буквально переводится как «пять траурных одежд» и представляет различные уровни траурной одежды, которые человек мог бы носить в зависимости от своих отношений с умершим. Каждый уровень означает разную степень близости к умершему и диктует соответствующие траурные обряды.
5. «灰土還鄉» дословно переводится как «пыль возвращается в прах, земля возвращается в землю». Это выражение часто используется для передачи идеи о цикличности жизни и смерти, подчеркивая, что все живые существа в конечном счете возвращаются на землю по истечении своего времени. Она отражает философскую точку зрения, которая глубоко укоренилась в китайской культуре, особенно под влиянием конфуцианства, даосизма и буддизма.

<http://bllate.org/book/15225/1423751>